

«ЕВРОПЕИЗАЦИЯ» КИТАЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В НАЧАЛЕ 2020-Х ГГ.: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Юлия МЕЛЬНИКОВА
Российский совет по международным делам

Аннотация: Исследование направлено на выявление значимости фактора Европейского союза при формировании внешней политики Федеративной Республики Германия в отношении Китайской Народной Республики в начале 2020-х гг. Исследовательский вопрос сформулирован на основе противоречия между экономическими интересами германских земель и бизнес-корпораций с одной стороны и политикой правительства ФРГ, все более отчетливо дистанцирующегося от Китая, – с другой. Выдвигается гипотеза, что переход Берлина к конфронтационной стратегии в отношении Пекина во многом обусловлен «европеизацией» – укреплением элементов централизации в управлении Европейским союзом и связанной с этим адаптацией национальных моделей поведения к общеевропейской. В контексте «европеизации» внешней политики поддержка уже существующих тенденций, а не разработка альтернативного сценария способствует сохранению ведущей роли ФРГ в формировании и реализации курса ЕС на китайском направлении. Таким образом, исследование в определенном смысле представляет собой кейс-стади пределов автономности внешней политики государств – членов интеграционных объединений. На основе существующего в рамках концепции «европеизации» подхода «снизу-вверх» в статье приводится периодизация политики Германии в отношении Китая с учетом

Юлия Юрьевна Мельникова – кандидат политических наук, программный менеджер Российского совета по международным делам (РСМД).

ORCID: 0000-0001-7922-2498. E-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru
119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8.

Поступила в редакцию: 23.07.2024

Принята к публикации: 03.09.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Примечание редакции и автора: В соответствии с решением Минюста *Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.* (*Friedrich Ebert Stiftung*, «Зарегистрированный Союз «Фонд имени Фридриха Эберта») (распоряжение № 256-р от 01.03.2024), *Konrad-Adenauer-Stiftung e.V.* («Конрад-Аденауэр-Штифтунг е.Ф.», «Фонд имени Конрада Аденауэра», «Зарегистрированное некоммерческое объединение «Фонд им. Конрада Аденауэра») (распоряжение № 1010-р от 14.08.2024), *Heinrich-Böll-Stiftung e.V.* (*Heinrich Böll Stiftung*, «Фонд имени Генриха Бёлля») (распоряжение № 679-р от 31.05.2022), *Friedrich-Naumann-Stiftung für die Freiheit* (*Friedrich Naumann Foundation*, «Фонд имени Фридриха Науманна за свободу») (распоряжение № 465-р от 16.04.2024) включены в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации». Анализ документов и позиций данных партийных фондов и аналитических центров представляется автору необходимым для проведения комплексного исследования формирования и имплементации политики ФРГ в отношении Китая и не направлен на распространение информации о деятельности упомянутых объединений.

Актуальный перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной, доступен на сайте Министерства юстиции Российской Федерации.

изменений в состоянии связей ЕС с КНР. Предлагается четыре этапа германо-китайского взаимодействия: 1993–2016 гг., 2016–2019 гг., 2019–2023 гг. и 2023 – наст. вр. Сопоставление национального и наднационального уровней принятия решений в эти периоды позволило продемонстрировать полный цикл «европеизации» курса ФРГ и вновь подчеркнуть значимость Евросоюза для формирования политики Германии. Если изначально ФРГ транслировала на уровень ЕС собственные нормы взаимодействия с Китаем, чтобы обеспечить себе наиболее выгодные условия сотрудничества с последним, то сегодня уже она перенимает общеевропейские стандарты, адаптируя национальную позицию к позиции Евросоюза. Выводы автора подкрепляются результатами качественного анализа текстовых материалов аналитических центров и партийных фондов Германии, опубликованных за период 2020–2024 гг. Результаты исследования позволяют прогнозировать дальнейшую солидаризацию ФРГ с общеевропейской позицией и ухудшение германо-китайских отношений.

Ключевые слова: европеизация, ЕС – КНР, Германия – КНР, Европейский союз, теории интеграции

Введение

Поскольку Германия занимает лидирующие позиции в Европейском союзе, в государствах, не являющихся членами объединения, довольно распространенным является представление о том, что конструктивное взаимодействие с ФРГ закладывает основу сотрудничества с ЕС в целом. В продолжение этой логики приоритет отдается анализу страновых, а не общеевропейских условий для развития отношений. В 2022 г. разрыв связей России и Германии на фоне кризиса системы безопасности в Европе поставил обе установки под сомнение, а сегодня кейсом для их проверки становятся уже отношения Китая и Германии.

ФРГ остается лидером ЕС по объему товарооборота с КНР. Между странами налажена многоуровневая система институциональных связей, высок потенциал научно-технологического сотрудничества и кооперации при развитии железнодорожных маршрутов Китай – Европа. Представители германского бизнеса сохраняют интерес к диалогу с китайскими партнерами. Вместе с тем позиция правительства Германии становится все более жесткой: в Стратегической концепции по Китаю 2023 г. заявлено, что Китай одновременно является «партнером, конкурентом и системным соперником»¹. Показательно, что в июле 2024 г. представители *Volkswagen* и *BMW* выступили против увеличения ввозных пошлин ЕС на китайские электромобили², в то время

¹ *The federal Government* (2023) Strategy on China of the Government of the Federal Republic of Germany. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608580/49d50fecc479304c3da2e2079c55e106/china-strategie-en-data.pdf> (accessed 21 July 2024).

² Rankin J. (2024) EU brushes aside risk of China trade war over electric vehicle tariffs. *The Guardian*, 4 July. Available at: <https://www.theguardian.com/business/article/2024/jul/04/eu-china-electric-vehicle-tariffs-trade-war-risk> (accessed 21 July 2024).

как правительство ФРГ заняло уклончивую позицию, отмечая необходимость уступок со стороны КНР.

В связи с наблюдаемым расхождением между интересами бизнеса и политикой правительства, а также с учетом российского опыта разрыва связей с Германией, возрастает актуальность анализа условий, которыми определяется политика ФРГ в отношении КНР, и, в частности, определения степени значимости общеевропейского внешнеполитического курса в этом процессе. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: почему, несмотря на интересы национальной экономики, Берлин переходит к конфронтационной политике в отношении Пекина? В академической литературе о германо-китайских отношениях преобладают эмпирические исследования. В фокусе внимания зарубежных специалистов симптоматично оказываются вопросы экономического взаимодействия ФРГ и КНР (Heiduck, 2014; Baur and Flach, 2022; Langhammer, 2022). Центральное место экономика занимает и в работах отечественных авторов (Буторина, 2023; Тимофеев & Ронжина, 2017; Цвык, 2016). Ухудшение отношений экономисты связывают с экономической конкуренцией, а также с политикой слияний и поглощений, которую проводит КНР на германском рынке. Вместе с тем предпринятые с тех пор в ЕС и ФРГ меры позволяют контролировать выход китайских инвесторов на национальный рынок, а представители германского бизнеса, осведомленные о характере и особенностях политики КНР, стремятся к поддержанию связей с ней, поэтому внутренние объяснения нельзя назвать исчерпывающими.

Политическая составляющая также подвергается анализу в России и за рубежом (Godement & Wacker, 2020³; Biba, 2021; Cook et al., 2022; Цвык, 2019; Зарицкий, 2021; Павлов, 2023; Белов, 2023). В 2023–2024 гг., на фоне кризиса системы безопасности в Европе и углубления американско-китайских противоречий, количество подобных исследований возросло. Изменение поведения ФРГ или ЕС в целом объясняется в них, как правило, фактором трансатлантических отношений. В качестве иллюстрации данного тезиса приводится следующее наблюдение: стремление к диверсификации внешних связей за счет взаимодействия с Пекином более отчетливо артикулировалось в периоды охлаждения европейско-американских отношений, например, во время президентства Д. Трампа или американского вторжения в Ирак⁴, в настоящих же условиях такой необходимости нет. Вместе с тем, как представляется, европейско-китайские отношения обладают собственной динамикой. Более того, в Германии сотрудничество с Китаем долгое время рассматривалось

³ Godement F., Wacker G. (2020) Promoting a European China policy – France and Germany together. SWP Working Papers 1. Berlin: Stiftung Wissenschaft Und Politik. Available at: <https://doi.org/10.18449/2020WP10> (accessed 21 July 2024).

⁴ Thimm J. (2021) German Policy Towards the United States: More Self-Confidence and More Independence Needed. In: Maihold G., Mair S., Müller M., et al. (eds.) German Foreign Policy in Transition: Volatile Conditions, New Momentum. *SWP Research Paper* 10. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, pp. 112–115. Available at: <https://doi.org/10.18449/2021RP10> (accessed 21 July 2024).

в качестве альтернативы взаимодействию с США не только в системе национальных приоритетов, но и в контексте развития мирового порядка в целом⁵; в свою очередь Европейский союз выступал против блокового мышления и новой биполярности⁶. Соответственно, усилившееся на фоне кризиса безопасности в Европе давление США на ЕС и Германию, которое нацелено на ухудшение их отношений с Китаем, рассматривается в работе как усугубляющий, но не ключевой фактор изменения политики ФРГ в отношении КНР. Авторская гипотеза состоит в том, что фундаментальной причиной ужесточения позиции Германии является «европеизация» ее внешней политики. В продолжении общей деградации отношений ЕС и КНР пространство для маневра государств – членов сужается по мере развития наднациональных инструментов регулирования взаимодействия с Китаем. В этих условиях приверженность общей линии Евросоюза выступает в качестве способа сохранения в нем своего лидирующего положения, и для Германии эта задача становится приоритетной по отношению к интересам национального бизнеса.

Таким образом, в настоящем исследовании поднимается проблема пределов суверенности государств – членов интеграционных объединений. Его теоретико-методологическую основу составляет концепция «европеизации», разработанная для оценки влияния интеграционных процессов на курс вовлеченных в них государств. Опираясь на нее, автор предлагает периодизацию политики ФРГ на китайском направлении, в которой реперными точками выступают изменения стратегии Евросоюза в отношении КНР. В определенной степени предлагаемая периодизация продолжает логику, изложенную в статье одного из ведущих российских специалистов по социально-экономическому и общественно-политическому развитию ФРГ Б.Е. Зарицкого (Зарицкий, 2021). С тем чтобы определить пределы автономности ФРГ на данном треке, автор поэтапно изучает, как смена вектора на уровне ЕС соотносится со сдвигами на национальном уровне. Для оценки степени укорененности тех или иных представлений о ЕС и КНР во внутриполитическом дискурсе в Германии в 2020-е гг. в качестве вспомогательного метода исследования используется качественный анализ текстовых материалов германских аналитических центров⁷ и партийных фондов: прежде всего Фондов Ф. Эберта⁸, Г. Белля⁹ и Ф. Наумана¹⁰, ассоциированных с партиями

⁵ Lawler D. (2020) Merkel warns against demonizing China for its success. *Axios*, 15 January. Available at: <https://www.axios.com/2020/01/16/angela-merkel-warns-demonizing-china-success> (accessed 21 July 2024).

⁶ Borrell Fontelles J. (2023) "We must learn to live with China", a conversation with Josep Borrell. *Groupe d'études géopolitiques*, 5 June. Available at: <https://geopolitique.eu/en/2023/06/05/we-must-learn-to-live-with-china-a-conversation-with-josep-borrell/> (accessed 21 July 2024).

⁷ Прежде всего *Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP)* и *Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik (DGAP)*.

⁸ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁹ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

¹⁰ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

правлящей коалиции (Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), «Союз 90/Зеленые» и Свободная демократическая партия (СвДП) соответственно), а также тесно связанного с оппозиционным блоком ХДС/ХСС Фонда К. Аденауэра¹¹. Согласно решению Министерства юстиции РФ, деятельность данных партийных фондов признана нежелательной на территории Российской Федерации.

«Европеизация» как теоретическая концепция и исследовательское направление

В условиях обострения глобальной конкуренции и повышения роли силового фактора в международном взаимодействии реалистические подходы к анализу последнего сохраняют свою актуальность. Германия и Китай являются национальными государствами, что позволяет применить к рассмотрению динамики их отношений инструментарий *Realpolitik*, учесть особенности внешней среды и имеющиеся у сторон ресурсы. Вместе с тем объяснительный потенциал этой теоретической рамки представляется несколько ограниченным.

Во-первых, фундаментом германо-китайского партнерства является сотрудничество в сфере экономики, «зеленого» перехода, технологий и инноваций. Несмотря на то, что в Стратегической концепции безопасности Германии 2023 г. многие сферы взаимодействия были подвергнуты секьюритизации, в качестве угрозы «жесткой» безопасности стороны друг друга не классифицируют¹². Во-вторых, ФРГ, как один из основателей и лидеров европейского интеграционного проекта, не может выстраивать политику в отношении КНР без учета общеевропейских тенденций. Более того, указанные сферы германо-китайского диалога относятся к сферам компетенции ЕС (торговая политика) или смешанной компетенции ЕС и государств-членов (экологическая и научно-технологическая политика). В-третьих, несмотря на декларируемое стремление, Европейский союз не является геополитическим игроком. Нормативное измерение его внешнеполитической стратегии неизбежно находит отражение на уровне государств-членов, а значит, выработка внешнеполитической линии ФРГ имеет дополнительные ограничения по сравнению с подходами национальных государств.

Понятие «европеизация» стало использоваться в исследованиях региональных интеграционных процессов с конца 1990-х – начала 2000-х гг. под влиянием конструктивистского поворота в науке о международных отношениях. На фоне появления Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза, расширения состава его участников и

¹¹ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

¹² *Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Bundeswehr ist Kernelement der ersten Nationalen Sicherheitsstrategie. Available at: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundesregierung-beschliesst-erste-nationale-sicherheitsstrategie-5636234> (accessed 21 July 2024).

подготовки Конституции ЕС игнорировать изменения внешней политики государств-членов в русле общеевропейских задач становилось сложнее. Рост числа исследований на базе новой концепции ознаменовал переход от изучения роли государств в структурировании общеевропейских институтов к анализу воздействия последних на своих основателей. Наднациональная структура ЕС по-прежнему оказывает заметное влияние на национальную политику и может накладывать функциональные ограничения на ее автономность¹³. В связи с этим совокупность теоретических воззрений, понимаемых под термином «европеизация», сохраняет свою актуальность для исследования внешней политики государств – членов объединения.

В генеалогическом смысле концепция «европеизации» стала попыткой интегрировать наработки классических теорий интеграции и неонституционализма, используемых при изучении влияния институтов ЕС на процесс принятия решений (Koremenos, 2001); либерального межправительственного подхода, в рамках которого акцент делается на национальном уровне формирования политики Европейского союза (Moravcsik, 1993); а также конструктивизма, в котором центральное место отводится вопросам коллективной идентичности и общих норм в процессе формирования представлений членов объединения о самих себе. С другой стороны, развитие концепции «европеизации» стало отражением стремления предложить иное восприятие проблематики, которую разрабатывали предшественники. Ее ключевое отличие – сохранение фокуса на государствах ЕС, но рассмотрение их внешнеполитического поведения в качестве производной от курса общеевропейских структур.

Под «европеизацией» можно понимать не только теоретическую концепцию, но и отдельное направление исследований. Первым из них стало посвященное политике Франции кейс-стади, цель которого заключалась в уточнении центрального для настоящей статьи понятия (Ladrech, 1994). Автор определил его как процесс изменения направлений и проявлений политики государства по мере становления политического и экономического развития ЕС в качестве фактора принятия решений и организации политики на национальном уровне. В дальнейшем исследовательское направление не избежало спора о дефинициях (Olsen, 2002). Появились сфокусированные на наднациональном измерении определения «европеизации» как процесса развития институтов ЕС и их способности к управлению уровнями принятия решений и унификации политики государств-членов (Radaelli, 2000). В качестве альтернативы сформировалось восприятие «европеизации» как горизонтального распространения общих норм и ценностей в ходе межгосударственной коммуникации в рамках объединения. Наконец, после расширения

¹³ Моисеева Д.Э. (2024) Согласование ключевых постов в Европейском союзе: парадокс распределения полномочий внутри метаорганизации. *Российский совет по международным делам*, 4 июля. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/soglasovanie-klyuchevykh-postov-v-evropeyskom-soyuze-paradoks-raspredeleniya-polnomochiy-vnutri-meta/> (дата обращения: 22.07.2024).

ЕС и запуска Европейской политики соседства в 2004 г. под «европеизацией» стала пониматься трансляция институциональной, нормативной и ценностной модели организации Евросоюза кандидатам на вступление или потенциальным партнерам по диалогу, прежде всего в виде *acquis communautaire* (Schimmelfennig, 2010).

В настоящей работе под процессом «европеизации», в соответствии с которым понимается постепенное проникновение элементов централизации в управление интеграционным объединением и последующая адаптация национальных институтов, политик, моделей поведения к общеевропейским (Olsen, 2002), подразумевается «приспособление национальных и субнациональных систем управления к условиям существования при наличии европейского политического центра и к общеевропейским нормам» (Стрежнева, 2014).

В рамках исследований на основе выбранного определения ключевым методологическим вопросом стало обоснование направления отслеживания «европеизации» – «снизу-вверх» (Börzel & Risse, 2003) или «сверху-вниз» (Graziano & Wink, 2007; Risse, Cowles & Caporaso, 2001; Goetz & Hix, 2000). Согласно первому подходу, анализ следует начинать с рассмотрения национальной политики и лишь в случае обнаружения в ней критических изменений учитывать влияние наднациональной структуры. В соответствии со вторым подходом необходимо сосредоточиться на том, как наднациональные решения транслируются на нижестоящий уровень. Дискуссия о направлении не завершена (Radaelli, 2004; Graziano & Wink, 2013), поэтому можно утверждать только о наличии корреляционной связи между нормами, установленными институтами ЕС, и изменениями национальной политики.

Выявить каузальные закономерности между уровнями сложнее ввиду методологических дилемм. Для установления соответствий между ними теории «европеизации» обращались к качественным методам и эмпирическому восприятию наблюдаемых явлений (Bulmer, 2007). При выборе подхода «сверху-вниз» их объяснительный потенциал ограничен, поскольку проследить, как именно институты Евросоюза проводят «европеизацию», практически невозможно без включенного наблюдения. Кроме того, существует риск переоценить европейский фактор в принятии решений на национальном уровне – совпадение вектора может быть результатом, например, аналогичного внутреннего импульса или же глобализации в целом (Caporaso, 2003). Понимание этого методологического ограничения актуально для настоящего исследования, поскольку, как было указано, в 2020-е гг. политика ФРГ в отношении КНР развивается в чрезвычайно неблагоприятном внешнем контексте, способствующем сплочению евроатлантического сообщества и сдержанности его членов в отношении других государств.

Рассмотрение «европеизации» «снизу-вверх» обосновывается тем обстоятельством, что готовность государств – участников ЕС перенимать стратегию общеевропейских институтов всегда предваряется изменениями на внутриполитическом уровне (Börzel & Risse, 2003). В связи с этим сторонники

данного подхода предлагают проводить периодизацию национальной внешней политики с учетом ключевых изменений на уровне ЕС (Carogaso, 2007). Другое важное допущение подхода «снизу-вверх» состоит в том, что государства-члены могут принимать деятельное участие в формировании общеевропейской позиции с целью минимизации рисков последующей адаптации к ней. Вместе с тем в ЕС продвигаемые ими нормы, как правило, ужесточаются, поскольку Брюссель преследует задачу по структурированию политики всех государств-членов. Как следствие, адаптационные издержки для государства-инициатора возрастают.

Подход «снизу-вверх» в настоящем исследовании применяется для периодизации германо-китайского взаимодействия. В качестве рубежных дат выступают изменения тематической политики ЕС: 2016 г., когда появилось первое после десятилетнего перерыва тематическое Совместное сообщение Европейской комиссии и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности; 2019 г., когда в ЕС была выдвинута формула «*партнер, конкурент и соперник*» по отношению к КНР; 2023 г., когда Брюсселем был сформулирован курс по «снижению рисков» в отношениях с Пекином.

Политика Германии в отношении КНР до середины 2010-х: «стратегическое партнерство» на национальном и общеевропейском уровнях

После завершения холодной войны и объединения Западной и Восточной Германии реализация стремления ФРГ к более системному присутствию на китайском рынке, с учетом правил Общей торговой политики созданного в 1993 г. ЕС, требовала масштабирования кооперации до общеевропейского уровня. Германия предпринимала активные действия, чтобы обеспечить ведущую роль в развитии европейско-китайских отношений. Так, уже в 1993 г. Берлин (первым в ЕС) выпустил Стратегию по Азии¹⁴, в которой экономическое сотрудничество с Китаем было названо приоритетным по отношению к политическим и ценностным разногласиям. Этот же принцип лег в основу Сообщения Европейской комиссии «Долгосрочная повестка европейско-китайских отношений» 1995 г., где вовлечение Китая в процесс глобализации было охарактеризовано как важнейший шаг на пути к выходу ЕС в Азию¹⁵.

Максима «*изменения через торговлю*» (*Wandel durch Handel*) оставалась основным принципом сотрудничества ФРГ с КНР при Г. Шредере (1998–2004 гг.). Отношения получили статус «стратегического партнерства», Германия лоббировала вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) и его присоединение к проекту спутниковой связи ЕС «Галилео». Регулярные визиты на высшем уровне, в которых принимали участие и владельцы

¹⁴ *Deutscher Bundestag* (1993) Drucksache 12/6151. Asien-Konzept der Bundesregierung. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/12/061/1206151.pdf> (accessed 22 July 2024).

¹⁵ *European Commission* (1995) A Long Term Policy for China-Europe Relations. Communication From the Commission to the Council. (520)16JC(0030). Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/0bcbc1c7-2c78-4bba-a027-f67035eeac4f> (accessed 22 July 2024).

промышленных предприятий, привели к формированию устойчивой группы стейкхолдеров диалога, представленной крупными концернами (*Siemens, BASF*), в том числе автомобильными (*Volkswagen, BMW, Audi, Mercedes-Benz*).

После прихода к власти А. Меркель в отношениях с Китаем был провозглашен «*нормативный поворот*» (в 2007 г. канцлер даже приняла Далай Ламу¹⁶), однако временное охлаждение не повлияло на место Китая в системе внешних связей ФРГ (Цвык, 2016). По оценкам исследователей, в германском официальном дискурсе КНР всегда позиционировалась, прежде всего, как экономический партнер (Heiduck, 2014). На фоне финансового кризиса 2008–2009 гг. этот имидж только укрепился, поскольку китайские инвестиции способствовали восстановлению Германии от его последствий¹⁷. Даже в 2012–2016 гг., когда инициатива в двусторонних отношениях начала постепенно переходить к КНР, все чаще называемой «*трансформационной державой*» (*Gestaltungsmacht*)¹⁸, позиция ФРГ оставалась неконфронтационной. Тем временем в Европейском союзе, напротив, нарастали опасения, связанные с торговым дефицитом и почти неограниченным притоком китайских инвестиций. С 2006 г. не выпускались тематические Сообщения Европейской комиссии¹⁹, что свидетельствовало о поиске новой модели взаимодействия. К 2010 г. стороны отказались от разработки Соглашения о партнерстве и сотрудничестве²⁰, направленного, в том числе, на коррекцию торгового (дис)баланса и борьбу с непрозрачными практиками КНР: демпингом и субсидированием государственных предприятий.

После прихода к власти Си Цзиньпина отношения получили дополнительный импульс: в 2014 г. стратегическое партнерство стало «*всеобъемлющим*»²¹, было запущено сопряжение германской программы развития промышленности *Industrie 4.0* и китайской программы *Made in China – 2025* (Тимофеев & Ронжина, 2017). В 2013–2015 гг. ФРГ демонстрировала интерес к вновь выдвинутой инициативе «*Один пояс, один путь*» (ОПОП) и содействовала развитию г. Дуйсбурга в качестве ключевого железнодорожного хаба для транзита

¹⁶ Этот шаг связывают со стремлением дистанцироваться от наследия предшественника Г. Шредера. В 2008 г. примеру канцлера последовал президент Франции Ф. Олланд, что привело к отмене саммита ЕС – КНР в Париже по инициативе китайской стороны. После этого от «нормативного поворота» стали отходить, и стороны начали искать способы возобновления диалога.

¹⁷ Сотрудничество было дополнено серией документов, включая Меморандум об усилиях ФРГ и КНР по стабилизации мировой экономики 2009 г. и Коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства ФРГ и КНР 2010 г., в котором Берлин поддержал предоставление Китаю статуса рыночной экономики в ВТО.

¹⁸ *Die Bundesregierung* (2012) Shaping Globalization – Expanding Partnerships – Sharing Responsibility. A strategy paper by the German Government. Available at: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Gestaltungsmaechtekonzept%20engl.pdf> (accessed 22 July 2024).

¹⁹ До этого Сообщения выходили регулярно: в 1995, 1998, 2002, 2003 и 2006 гг. Существенных разногласий по вопросу сотрудничества с КНР в ЕС в этот период не было, дискурс со стороны общеевропейских институтов оставался устойчиво позитивным, а перечень задач постоянно расширялся.

²⁰ Документ должен был заменить Торговое соглашение 1985 г., определив основания для сотрудничества в новом тысячелетии. Переговоры о его разработке велись с момента установления «стратегического партнерства» в 2003 г., а наиболее активно – в 2006–2007 гг.

из Китая в ЕС²². Кроме того, она проявила себя в качестве крупнейшего европейского инвестора в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Постепенно были запущены более 70 отраслевых диалогов на различных уровнях – от межправительственного до межличностного. В результате, с 1994 по 2014 гг. объем товарооборота вырос в десять раз и составил 189 млрд долл.²³, ФРГ стала вторым по величине экспортным рынком для Китая.

Таким образом, в период до 2016 г., когда общеевропейская позиция по отношению к КНР оставалась благосклонной или амбивалентной, германо-китайское партнерство развивалось чрезвычайно успешно – как само по себе, так и в сравнении с другими двусторонними форматами Китая в Европе. ФРГ содействовала поиску формулы разрешения и европейско-китайских противоречий. Так, в 2013 г. в Повестке стратегического сотрудничества ЕС и КНР до 2020 г. был изложен список мер, направленных на преодоление разногласий, прежде всего урегулирование инвестиционных отношений, и установление более справедливых правил игры²⁴. Примером влияния Берлина на общеевропейский процесс является т.н. дело китайских солнечных панелей: в 2013 г. соответствующее расследование Европейской комиссии было прекращено во многом благодаря усилиям А. Меркель, поскольку германский рынок возобновляемых источников энергии (ВИЭ) на $\frac{3}{4}$ зависел от китайского сырья и комплектующих (Hooijmaaijers, 2021).

Способность ФРГ корректировать негативные для себя последствия формирования европейской стратегии в отношении Китая, а также опережающее в сравнении с ЕС и его членами развитие диалога указывают на то, что до середины 2010-х гг. китайское направление ее внешней политики не было затронуто «европеизацией». Напротив, оно предлагалось объединению в качестве ориентира. Выжидательную позицию Брюсселя в этот период, в свою очередь, обуславливали надежда на реализацию *Повестки 2020* и возможность поддержания своих конкурентных преимуществ за счет экологических и научно-технологических ноу-хау, объема и привлекательности внутреннего рынка.

²¹ *Die Bundesregierung* (2014) Gemeinsame Erklärung zum Besuch von Staatspräsident Xi: Schaffung einer umfassenden strategischen Partnerschaft zwischen Deutschland und China. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/gemeinsame-erklaerung-zum-besuch-von-staatspraesident-xi-schaffung-einer-umfassenden-strategischen-partnerschaft-zwischen-deutschland-und-china-411848> (accessed 22 July 2024).

²² Frenzel A., Godehardt N., Pantekoek S. and Schulze D. (2024) Kommunen: Kernstück deutscher China-Politik Entwicklungen und Zukunftsperspektiven. *Friedrich Ebert Stiftung Studie*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/international/21026-20240229.pdf> (accessed 21 July 2024). Фонд Ф. Эберта включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

²³ При этом экспортные и импортные показатели практически не отличались, составив 89,8 и 96,3 млрд долл. соответственно. См. *The Observatory of Economic Complexity* (2014) China – Germany Trade. Available at: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/deu?dynamicBilateralTradeSelector=year2014> (accessed 22 July 2024).

²⁴ *The Diplomatic Service of the European Union* (2013) EU – China 2020 Strategic Agenda for Cooperation. Available at: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/20131123.pdf> (accessed 22 July 2024).

Политика Германии в отношении Китая после 2016 г.: негативные прецеденты и начало «европеизации» внешнеполитической линии

К 2016 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Германии²⁵, а структура товарооборота приобрела устойчивость: основу экспорта ФРГ вплоть до настоящего времени составляют автомобили и автозапчасти, фармацевтическая продукция, медицинское оборудование и микросхемы; в КНР же закупается электроника, батареи, телекоммуникационное оборудование (Зарицкий, 2021). Примечательно, что в 2016 г. проблема торгового дефицита перед Берлином не стояла: объемы экспорта почти равнялись объемам импорта – 82,6 и 81,9 млрд долл. соответственно²⁶. Между тем сопряжение программ промышленного развития ФРГ и КНР стимулировало резкий рост взаимной патентной и инвестиционной активности в 2016–2017 гг. (Corrocher et al., 2018). Наибольший интерес у китайских инвесторов вызывали приоритетные секторы Меморандума о сотрудничестве от 2014 г., а именно транспорт и промышленное оборудование, машиностроение, а также необходимые для развития китайской экономики информационные и финансовые технологии (Тимофеев & Ронжина, 2017).

В результате на германском рынке участились случаи слияний и поглощений. Серьезный резонанс получило приобретение в 2016 г. китайской *Midea Group* германского производителя робототехники *Kuka* за 5 млрд долл. Правительство Германии не располагало официальными механизмами противодействия сделке, а найти инвесторов в Европе, готовых предложить большую сумму, не удалось. В 2017–2019 гг. китайские инвесторы приобрели доли в *Daimler* и *Deutsche Bank*, а также претендовали на покупку части *50Herz* (Зарицкий, 2021). В попытках объяснить изменения позиции ФРГ в отношении КНР внутренними факторами зачастую именно эти эпизоды называют ключевыми²⁷, поскольку они стали стимулом к реформированию внутреннего законодательства. Вместе с тем аналитики Фонда Ф. Эберта²⁸ отмечают, что эти меры были направлены не на сокращение взаимодействия с Китаем, а на повышение собственной «стрессоустойчивости» для его продолжения²⁹.

²⁵ Германия остается крупнейшим торговым партнером Китая в Европе с 1970-х гг. и располагается на 8–10 местах рейтинга торговых партнеров в целом, в зависимости от года подсчета.

²⁶ *The Observatory of Economic Complexity* (2016) China – Germany Trade. Available at: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/deu?dynamicBilateralTradeSelector=year2016> (accessed 22 July 2024).

²⁷ Barkin N. (2020) Germany's strategic gray zone with China. *Carnegie Endowment*. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Barkin_Germany_China_Policy.pdf (accessed 23 July 2024).

²⁸ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

²⁹ Pantekoeck S., Bartmann Y., Lanz H. (2022) China's Rolle im Multilateralen Handelssystem. Tendenzen, Impulse und Folgen für Deutschland und die Europäische Union *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/19345.pdf> (accessed 23 July 2024). Фонд Ф. Эберта включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

Причина последующего охлаждения в двусторонних отношениях кроется в том, что сомнения ФРГ в их взаимовыгодном характере были использованы Европейским союзом для унификации подходов государств – членов к инвестиционному сотрудничеству с КНР и ужесточения общей линии на данном направлении³⁰.

Новая модель взаимодействия была изложена в 2016 г. в Совместном сообщении Европейской комиссии и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая»³¹. Выполнение Повестки стратегического сотрудничества, прежде всего в части подготовки Всеобъемлющего инвестиционного соглашения (ВИС), до 2020 г. шло очень медленно. По этой причине были изменены правила проведения тендеров, слияний и поглощений, а также активизирована разработка внутреннего законодательства в области ПИИ и защиты прав интеллектуальной собственности. Одним из локомотивов охранительных тенденций выступала Франция; переход ФРГ на схожие позиции к 2019 г. позволил ускорить процесс создания Механизма проверки иностранных инвестиций ЕС³². Кроме того, был остановлен приток китайских инвестиций в Италию и страны Центральной и Восточной Европы. В 2018 г. ФРГ поддержала выпуск Стратегии ЕС по соединению Европы и Азии как альтернативы ОПОП, а в 2019 г. вместе с Францией и Испанией выступила против отдельных Меморандумов о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках ОПОП³³ между странами ЕС и Китаем, создав тем самым дополнительные механизмы защиты от переизбытка китайских инвестиций в национальную транспортную инфраструктуру и «европеизировав» взаимодействие с КНР в области развития региональной связанности.

В действительности же снижение интенсивности сотрудничества на двустороннем и общеевропейском уровнях вплоть до 2020-х гг. не рассматривалось в ФРГ как необратимый процесс. Рост товарооборота продолжали обеспечивать критические для взаимодействия отрасли – автомобильная и сфера «зеленой» экономики. Так, в 2019 г. была достигнута договоренность о строительстве в Германии завода CATL по производству солнечных батарей,

³⁰ Vangeli A. (2022) (ed.) *The Role of China in Southeast Europe Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/athen/19416.pdf> (accessed 3 September 2024). Фонд Ф. Эберта включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

³¹ *The Diplomatic Service of the European Union* (2016) *Elements for a new EU strategy on China*. Joint Communication to The European Parliament and The Council. 52016JC0030. Available at: https://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf (accessed 23 July 2024).

³² *European Commission* (2020) *EU foreign investment screening mechanism becomes operational*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1867 (accessed 23 July 2024).

³³ Esteban M., Otero-Iglesias M., Bērziņa-Čerenkova U.A. et al. (eds.) (2020) *Europe in the Face of US-China Rivalry. Mercator Institute for China Studies*. Available at: https://merics.org/sites/default/files/2020-04/200123_ETNC_Report.pdf (accessed 23 July 2024).

инвестиции в которое составили около 2 млрд долл.³⁴ Частичная «европеизация» внешней политики ФРГ была продиктована стремлением к сохранению конкурентоспособности в области высокотехнологичных производств и направлена на повышение защищенности национального бизнеса от недобросовестных практик китайских компаний до тех пор, пока не будет найден двусторонний или многосторонний компромисс.

Внутри страны продолжались дискуссии о будущем двустороннего партнерства, исследования вовлеченности федеральных земель во взаимодействие с Китаем и попытки выработать общую позицию. В этих целях в 2017 г. министр иностранных дел ФРГ З. Габриэль инициировал внутренний межведомственный диалог по КНР. Руководители экономически прибыльных для КНР городов и земель, таких как Северный Рейн – Вестфалия, не имели обязательств уведомлять федеральное правительство о соглашениях с китайскими партнерами, поэтому у центра информация появлялась несвоевременно. Еще сложнее обстояли дела на уровне бизнеса. Сигнальным стал выход в 2019 г. доклада Федерального союза германской промышленности (*Bundesverband der Deutschen Industrie, BDI*), в котором впервые было указано на соперничество с КНР³⁵. Стоит, однако, заметить, что его поддерживали представители не всех отраслей (Зарицкий, 2021), а в экспертной среде он был воспринят лишь как способ повысить «стрессоустойчивость». Таким образом, «европеизация» позиции Германии в 2016–2019 гг. отвечала национальным интересам, создавая дополнительные гарантии безопасности рынка, но не рассматривалась как необратимый процесс. Более того, она происходила неравномерно на уровне правительства и реального сектора. Основной задачей для ФРГ стал поиск внутреннего консенсуса в отношении степени зависимости от КНР³⁶: форсировать ли дальнейшую солидаризацию с позицией ЕС, или же вырабатывать механизм преодоления общеевропейских тенденций, как только они перестанут приносить выгоду?

Политика Германии в отношении Китая после 2019 г.: обратный эффект «европеизации»

С 2019 г. дискуссии о степени строгости правил в отношении Китая достигли своего пика. По данным исследований, в 2019–2020 г. экономическая зависимость от КНР упоминалась в парламентских обсуждениях в шесть раз чаще, чем в 2018 г.³⁷ Правительство оказалось в непростом положении.

³⁴ CATL (2022) CATL's German plant receives approval for battery cell production. Available at: <https://www.catl.com/en/news/921.html> (accessed 23 July 2024).

³⁵ *Bundesverband der Deutscher Industrie* (2019) China – Partner and Systemic Competitor. Available at: <https://english.bdi.eu/publication/news/china-partner-and-systemic-competitor/> (accessed 23 July 2024).

³⁶ Seaman J., Ghiretti F., Erlbacher L. et al. (eds.) (2022) Dependence in Europe's Relations with China Weighing. Perceptions and Reality. *Mercator Institute for China Studies*. Available at: https://merics.org/sites/default/files/2022-04/etnc_2022_report.pdf (accessed 23 July 2024).

³⁷ Seaman J., Ghiretti F., Erlbacher L. et al. (eds.) (2022) Dependence in Europe's Relations with China Weighing. Perceptions and Reality. *Mercator Institute for China Studies*. Available at: https://merics.org/sites/default/files/2022-04/etnc_2022_report.pdf (accessed 23 July 2024).

Аргументами в пользу поддержания конструктивного диалога выступали бизнес-интересы (в 2019 г. товарооборот составил более 200 млрд долл., при этом доля экспорта из Германии в Китай превышала объемы импорта³⁸), а также стремление А. Меркель использовать китайское направление внешней политики для укрепления международных позиций ФРГ в условиях трансформации мирового порядка. В период разногласий с США при президенте Д. Трампе канцлер Германии сделала ставку на ускорение разработки и подписания ВИС между ЕС и КНР, чтобы разрешить противоречие между корпоративными интересами и общеевропейской тенденцией на снижение контактов с китайскими партнерами³⁹. Интересно, что итоговый текст документа получил различные оценки в германских аналитических центрах и фондах: близкие к правящей на тот момент «большой коалиции» Фонд К. Аденауэра и Фонд Ф. Эберта⁴⁰ рассматривали соглашение как рациональный шаг для коррекции негативных тенденций в двустороннем диалоге⁴¹, в то время как, например, близкий партии «Зеленых» Фонд Г. Белля⁴² изначально подверг документ критике как в недостаточной степени защищающий интересы ФРГ и ЕС⁴³.

Тем временем на уровне ЕС набирало обороты ужесточение политики в отношении КНР. В 2019 г. вышло Совместное сообщение Европейской комиссии и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности «Стратегический обзор европейско-китайских отношений»⁴⁴, в котором был сформулирован список требований к Китаю. После срыва ратификации ВИС в 2021 г. интенсифицировались усилия по разработке защитного законодательства. По мере появления все новых механизмов пространство для маневра, которым располагали государства – члены ЕС, сужалось. Так, в 2022–2023 гг. был введен налог на добавленную стоимость для всех категорий

³⁸ *The Observatory of Economic Complexity* (2016) China – Germany Trade. Available at: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/deu?dynamicBilateralTradeSelector=year2019> (accessed 23 July 2024).

³⁹ Согласование текста документа стало ключевым элементом программы германского председательства в ЕС во второй половине 2020 г. См. Oertel J. (2020) *The New China Consensus: How Europe Is Growing Wary of Beijing* *European Council on Foreign Relations*, 7 September. Available at: https://ecfr.eu/publication/the_new_china_consensus_how_europe_is_growing_wary_of_beijing/ (accessed 23 July 2024).

⁴⁰ Фонд К. Аденауэра и Фонд Ф. Эберта включены в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁴¹ Pantekoeck S., Bartmann Y., Lanz H. (2022) *China's Rolle im Multilateralen Handelssystem. Tendenzen, Impulse und Folgen für Deutschland und die Europäische Union* *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/19345.pdf> (accessed 3 September 2024); *Konrad Adenauer Stiftung*. (2023) *Keys to Understanding China* Available at: <https://dialogopolitico.org/keys-to-understanding-china/> (accessed 3 September 2024).

⁴² Фонд Г. Белля включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁴³ Lawrence J., Van Ho L., Vastardis Y. (2020) *EU-China Comprehensive Agreement on Investment. A Scoping Study* *Heinrich Böll Foundation*. Available at: <https://www.boell.de/sites/default/files/2020-12/Endf%20EU-China%20Investment%20Agreement-korr.pdf> (accessed 3 September 2024).

⁴⁴ *European Commission* (2019). *EU-China – A strategic outlook*. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council EU-China. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed 23 July 2024).

ввозимой на территорию Европейского союза продукции; иными словами, исключения, ранее действовавшие для отдельных групп товаров, в том числе из КНР, утратили силу⁴⁵. В дополнение были разработаны Инструмент против экономического принуждения со стороны третьих государств (*Anti-Coercion Instrument, ACI*)⁴⁶ и Инструмент по международным государственным закупкам (*International Procurement Instrument, IPI*)⁴⁷, предоставившие Еврокомиссии возможность лучше контролировать взаимодействие европейских и китайских компаний.

Сужение коридора возможностей вследствие регламентации на уровне ЕС повлекло за собой дальнейшую «европеизацию» внешней политики Германии на китайском треке. В русле общеевропейского законодательства в 2021 г. вышел Федеральный закон с повышенными требованиями безопасности к поставщикам телекоммуникационного оборудования, наделяющий правительство правом вмешиваться в такого рода сделки⁴⁸. Процесс ускорила и смена руководства ФРГ: в коалиционный договор правительства О. Шольца вошел курс на «снижение зависимости» от Китая, реализовывать который было поручено Министерству иностранных дел во главе с представляющей «Зеленых» А. Бербок⁴⁹.

Примечательно, что в 2021–2022 гг. увеличилось количество исследований, посвященных «зависимости» ФРГ от КНР, в том числе в автомобилестроении, химической промышленности, производстве электро- и транспортного оборудования. Близкие к вошедшим в правительство партиям фонды (Фонд Ф. Эберта, Фонд Г. Белля и Фонд Ф. Наумана⁵⁰) активизировали анализ

⁴⁵ Fonoa (2021) The EU VAT reform: OSS, IOSS and MOSS. Available at: <https://www.fonoa.com/blog/the-eu-vat-reform-oss-io-ss-and-moss> (accessed 23 July 2024).

⁴⁶ Regulation (EU) 2023/2675 of the European Parliament and of the Council of 22 November 2023 on the protection of the Union and its Member States from economic coercion by third countries (2023) *Official Journal of the European Union*, 7 December. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202302675 (accessed 23 July 2024).

⁴⁷ Regulation (EU) 2022/1031 of the European Parliament and of the Council of 23 June 2022 on the access of third-country economic operators, goods and services to the Union's public procurement and concession markets and procedures supporting negotiations on access of Union economic operators, goods and services to the public procurement and concession markets of third countries (International Procurement Instrument – IPI) (2022) *Official Journal of the European Union*, 6 June. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1031> (accessed 23 July 2024).

⁴⁸ The new German Telecommunications Act: How does customer protection change? (2022) *Noerr*, 20 January. Available at: <https://www.noerr.com/en/insights/the-new-german-telecommunications-act-how-does-customer-protection-changehttps://www.noerr.com/en/insights/the-new-german-telecommunications-act-how-does-customer-protection-change> (accessed 23 July 2024).

⁴⁹ Согласно тексту коалиционного договора, представленного новым правительством ФРГ, сотрудничество с КНР возможно при условии соблюдения им прав человека и норм международного права. См.: Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis fuer Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit (2021). *Sozialdemokratische Partei Deutschlands*. Available at: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (accessed 23 July 2024).

⁵⁰ Фонд Ф. Эберта, Фонд Г. Белля и Фонд Ф. Наумана включены в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

различных аспектов политического и экономического развития КНР. Социал-демократы симптоматично уделили большее внимание рассмотрению внутреннего устройства Китая в целях углубления осведомленности о политике, сильных и слабых сторонах конкурента (*China-Kompetenz*): его финансовой и экономической⁵¹ системах, политики в области здравоохранения и развития в условиях старения населения⁵². «Зеленые» анализировали профильные для себя направления, связанные с особенностями климатической и энергетической политики КНР⁵³, в то время как либералы больше других уделяли внимание проблеме прав человека, Гонконгу и Тайваню⁵⁴. Не все материалы открыто направлены на выявление «уязвимостей» ФРГ по отношению к Китаю, но рост их количества указывает на стремление лучше понимать конкурента.

Впрочем, на основе статистических данных нельзя сделать однозначного заключения о наличии «зависимости». Так, по информации *Mercator Institute for China Studies (MERICS)*⁵⁵, на китайский рынок поставляется больше продукции германского автопрома, чем на внутренний – 40–50%⁵⁶. При этом, по их же расчетам, в 2021 г. только 5% импорта ФРГ из КНР относились к категории критической зависимости, преимущественно в секторе

⁵¹ Pantekoek S., Bartmann Y., Lanz H. (2022) China's Rolle im Multilateralen Handelssystem. Tendenzen, Impulse und Folgen für Deutschland und die Europäische Union *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/19345.pdf> (accessed 3 September 2024); Xiaohui B. et al. (2023) Platform economy in China and Germany. Labour law policy recommendations for decent work *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/china/20528.pdf> (accessed 3 September 2024); Subacchi P. (2022) China und die globale Finanzarchitektur. Zwei Wege auf einem Pfad halten *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/19234.pdf> (accessed 3 September 2024). Фонд Ф. Эберта включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁵² *Friedrich Ebert Stiftung*. (2024) Flexible retirement reform in an aging society. From international experience to Chinese practice Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/china/21104.pdf> (accessed 3 September 2024); Rudolf M. (2023) Chinas globale Gesundheitsdiplomatie. Betrachtung der weitreichenden Bemühungen Pekings vor und nach Auftreten der COVID-19-Pandemie *Friedrich Ebert Stiftung*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/international/20015.pdf> (accessed 3 September 2024). Фонд Ф. Эберта включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁵³ Myllyvirta L. et al. (2022) Chinas Klimawende: Ausblick. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/2023-11/chinas-climate-transition_outlook-2022.pdf (accessed 3 September 2024); Myllyvirta L., Zhang Sh. et al. (2023) Political Economy of Climate and Clean Energy in China Opportunities and Limits of International Influence on the Chinese Emissions Pathway. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/2021-01/Clean_Energy_in_China_endf.pdf (accessed 3 September 2024). Фонд Г. Белля включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁵⁴ Например: *Friedrich Naumann Stiftung* (2023) China Bulletin. Ausgabe 02/2023. Available at: <https://www.freiheit.org/de/china-bulletin-1> (accessed 3 September 2024). Фонд Ф. Наумана включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁵⁵ С 2021 г. находится под санкциями КНР.

⁵⁶ Seaman J., Ghiretti, F., Erlbacher, L., Martin, X., Otero-Iglesias, M. (eds.) Dependence in Europe's Relations with China Weighing. Perceptions and Reality (2022) *Mercator Institute for China Studies*. Available at: https://merics.org/sites/default/files/2022-04/etnc_2022_report.pdf (accessed 23 July 2024); Seaman J., Ghiretti F., Erlbacher L. et al. (eds.) (2022) Dependence in Europe's Relations with China Weighing. Perceptions and Reality. *Mercator Institute for China Studies*. Available at: https://merics.org/sites/default/files/2022-04/etnc_2022_report.pdf (accessed 23 July 2024).

электроники⁵⁷. Доля Китая в импорте Германии существенно уступает поставкам из других государств ЕС, которые обеспечивают 44% иностранной добавленной стоимости при производстве конечной продукции в Германии. Таким образом, «сокращение зависимости» может состоять в диверсификации поставщиков и наращивании собственных производств (Baur & Flach, 2022). Тем не менее все фонды, близкие к партиям правящей коалиции, рассматривали политику Германии в отношении Китая как продолжение политики ЕС, указывали на необходимость укрепления общеевропейского единства и повышения конкурентоспособности Евросоюза по отношению к КНР, предотвращения общей зависимости от Пекина. Наиболее сдержанной в этом смысле была риторика Фонда Ф. Эберта⁵⁸, призывавшего к совершенствованию модели стратегического управления европейско-китайскими отношениями, а не к искусственному определению однонаправленного вектора, в соответствии с которым они будут развиваться дальше.

Одновременно в правительстве велась разработка стратегии по Китаю, содержание которой ожидаемо стало предметом борьбы «зеленого» МИД, настроенного на абсолютную солидаризацию с курсом ЕС, и «красного» ведомства федерального канцлера, стремившегося соблюсти баланс между интересами промышленности и политических элит. О. Шольц стал первым европейским политиком, который совершил визит в КНР по завершении пандемии осенью 2022 г., однако от предыдущих встреч на высшем уровне его риторика отличалась большей сдержанностью. В выступлении канцлера звучали (условно) общеевропейские установки, цель которых состояла в том, чтобы внести свой вклад в обеспечение более равных и справедливых условий партнерства, а также убедить Китай осудить Специальную военную операцию России на Украине⁵⁹. При этом за несколько недель до провозглашения нового общеевропейского курса и выпуска национальной стратегии в отношении Китая федеральное правительство разрешило COSCO приобрести 24,99% акций порта в Гамбурге, понизив долю на 0,01% для формального соблюдения требований ЕС⁶⁰. Этот шаг подвергся критике в кругах находящейся в оппозиции ХДС: несоответствие между риторикой и действиями правительства О. Шольца было названо попыткой «усидеть на двух стульях» – между ЕС и КНР⁶¹.

⁵⁷ Zenglein M. (2020) Mapping and Recalibrating Europe's Economic Interdependence with China. *Mercator Institute for China Studies*, 17 November. Available at: <https://merics.org/en/report/mapping-and-recalibrating-europes-economic-interdependence-china> <https://merics.org/en/report/mapping-and-recalibrating-europes-economic-interdependence-china> (accessed 23 July 2024).

⁵⁸ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁵⁹ Tao A. (2022) Olaf Scholz's China Gamble. *The Diplomat*, 21 December. Available at: <https://thediplomat.com/2022/12/olaf-scholz-china-gamble/> (accessed 23 July 2024).

⁶⁰ POLITICO (2023) Cosco To Take 24.9% In Hamburg Container Shipping Facility 10 May. Available at: <https://www.politico.eu/article/germany-doubles-down-china-port-deal-cosco-hamburg-new-security-concerns-olaf-scholz/> (accessed 23 July 2024).

⁶¹ Fuhrmann J. (2023) Pekinger Reaktionen auf die deutsche China-Strategie. *Konrad Adenauer Stiftung*. Available at: <https://www.kas.de/de/laenderberichte/detail/-/content/pekinger-reaktionen-auf-die-deutsche-china-strategie> (accessed 23 July 2024).

Таким образом, после 2019 г. значимость солидаризации с политикой ЕС как фактора, оказывающего влияние на формирование китайского направления внешней политики ФРГ, возросла. В отсутствие внешних стимулов за пределами Европейского союза и на фоне преодоления рисков «зависимости» с помощью новых национальных и общеевропейских правовых инструментов, «европеизация» стала ключевой причиной дальнейшего ухудшения германо-китайских отношений.

Актуальный этап политики Германии в отношении Китая: «снижение рисков» при их отсутствии

Можно констатировать, что с лета 2023 г. позиция ФРГ в отношении Китая по большей части соответствует общеевропейской. В феврале 2023 г. У. фон дер Ляйен провозгласила курс ЕС на «*снижение рисков*» (*de-risking*). Вскоре после того, как он приобрел более предметные очертания, федеральное правительство Германии подготовило Стратегическую концепцию по Китаю (июль 2023 г.)⁶². В документе были подтверждены приверженность политике ЕС, нацеленной на снижение зависимости от КНР, а также статус последней как «*партнера, конкурента и соперника*». Его вновь подвергли критике аналитики Фонда К. Аденауэра⁶³, указав на то, что стратегия только констатирует факт, но не выдвигает никакого руководства к действию, как и на то, что представляла ее А. Бербок в одиночестве на площадке антикитайского *MERICS* без поддержки федерального канцлера⁶⁴. Опубликованный текст свидетельствует о том, что официальный Берлин не спешит искать отличные от общеевропейских решения возникающих проблем ценой своего политического капитала – он лишь стремится минимизировать потенциально сопряженные с их последствиями риски для национального бизнеса. Как уже отмечалось, в Стратегической концепции безопасности Германии 2023 г. указано, что в современном мире укреплять положение государства необходимо при учете и для отражения всего спектра угроз одновременно – от экономических до военных⁶⁵.

⁶² *Deutscher Bundestag* (2023) Strategy on China of the Government of the Federal Republic of Germany. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608580/49d50fecc479304c3da2e2079c55e106/china-strategien-data.pdf> (accessed 23 July 2024).

⁶³ Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁶⁴ Fuhrmann J. (2023) Peking Reaktionen auf die deutsche China-Strategie. *Konrad Adenauer Stiftung*. Available at: <https://www.kas.de/de/laenderberichte/detail/-/content/pekinger-reaktionen-auf-die-deutsche-china-strategie> (accessed 3 September 2024). Фонд К. Аденауэра включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁶⁵ *Bundesministerium der Verteidigung* (2023) Bundeswehr ist Kernelement der ersten Nationalen Sicherheitsstrategie. Available at: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundesregierung-beschliesst-erste-nationale-sicherheitsstrategie-5636234> (accessed 23 July 2024).

Показательными являются два случая: 1) участие Германии в разработке перечня технологий, против экспорта которых в Китай ЕС выступил осенью 2023 г., в их числе искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии и полупроводники⁶⁶; 2) позиция ФРГ по вопросу уже упомянутого расследования Европейской комиссии в отношении электромобилей из КНР⁶⁷, аналогичного делу солнечных батарей 2013 г. Первый случай комплаенса отражает национальные интересы в большей степени, чем второй: рынок полупроводников действительно становится одним из главных факторов технологической конкуренции Китая и Запада, и именно Германия может предложить альтернативу китайской продукции. Второй кейс в чистом виде представляет собой пример «европеизации» внешней политики: несмотря на то, что представители немецкого бизнеса активно выступали против повышения пошлин на китайские электромобили, которые составляют до ¼ рынка в ФРГ, ситуация 2013 г. не повторилась. И, по слухам, правительство воздержалось от голосования на первом этапе введения пошлин, что фактически является демонстрацией молчаливой поддержки действий Еврокомиссии⁶⁸.

Как таковая дискуссия отсутствует и на уровне экспертно-аналитического сопровождения политики ФРГ. В условиях кризиса в области европейской безопасности у наиболее последовательных критиков КНР появились дополнительные аргументы, позволяющие сравнить потенциальную зависимость от нее, например, в сфере «зеленых» технологий, с существовавшей ранее зависимостью от российских энергоносителей. Россия и Китай также подвергаются сравнению как стратегические партнеры, которые стремятся к трансформации порядка, «основанного на правилах». Эти аргументы сегодня приводят и *SWP*⁶⁹, и Фонды К. Аденауэра⁷⁰, Г. Белля⁷¹. Конфликт вокруг Украины

⁶⁶ Bounds A. (2023) EU to assess export controls on sensitive tech to China *Financial Times*, 3 October. Available at: <https://www.ft.com/content/2b7a97ab-f563-434e-8d01-70ff9fa9efa6> (accessed 23 July 2024).

⁶⁷ *European Parliament* (2023) EU anti-subsidy probe into electric vehicle imports from China. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_ATA\(2023\)754553](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_ATA(2023)754553) (accessed 23 July 2024).

⁶⁸ Martinez M., Hansen H. and Kraemer C. (2024) Germany set to abstain in vote on EU tariffs for China EVs, sources say. *Reuters*, 13 July. Available at: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/germany-set-abstain-vote-eu-tariffs-chinese-evs-sources-2024-07-12/> (accessed 23 July 2024).

⁶⁹ Kluge J. (2024) Russia-China Economic Relations Moscow's Road to Economic Dependence. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. Research Paper 6. Available at: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2024RP06/> (accessed 3 September 2024); Hilpert H.D. (2022) *Zeitenwende in der EU-Handelspolitik. Chancen der Diversifizierung im Indo-Pazifik*. Stiftung Wissenschaft und Politik. DOI: 10.18449/2022A61 (accessed 3 September 2024).

⁷⁰ Fuhrmann J. (2022) Vom Biss des Bären lernen, den Drachen zu bändigen? Implikationen des russischen Angriffskrieges für Deutschlands neue Chinastrategie. *Konrad Adenauer Stiftung*. Available at: <https://www.kas.de/de/web/auslandsinformationen/artikel/detail/-/content/vom-biss-des-baeren-lernen-den-drachen-zu-baendigen> (accessed 3 September 2024). Фонд К. Аденауэра включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁷¹ Mardell J. (2024) Auf dem Weg zu einer gemeinsamen europäischen China-Strategie? Eine Übersicht über die politischen Grundsatzdokumente der EU-Mitgliedstaaten zu China. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/2024-07/e-paper-auf-dem-weg-zu-einer-gemeinsamen-europaischen-china-strategie_endf.pdf (accessed 3 September 2024). Фонд Г. Белля включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

стимулирует рассмотрение Китая как нового глобального игрока, оказывающего влияние на весь мировой порядок, и в Фонде Ф. Эберта⁷². Его политика чаще подвергается анализу через призму вопросов безопасности, влияния в третьих регионах мира, таких как Африка, Латинская Америка или Ближний Восток⁷³. Как следствие, универсальными становятся призывы к консолидации позиции ЕС по отношению к Китаю, обвинения уже Китая в секьюритизации взаимодействия с европейскими странами⁷⁴. Отдельно можно выделить публикации, указывающие на то, что стабильность европейского и германского курса по отношению к КНР и его реализация зависят от преодоления центробежных тенденций на уровне федеральных земель и отдельных городов ФРГ, все еще нацеленных на развитие сотрудничества с китайскими партнерами⁷⁵.

Хотя по итогам 2023 г. Китай остался крупнейшим торговым партнером Германии, товарооборот Германии и Китая сократился на 15,5% по сравнению с годом ранее до 266,7 млрд долл⁷⁶. Примечательно, что одновременно с этим показателем впервые с 2018 г. сократился и торговый дефицит (с 91,7 до 62,3 млрд долл.), причем во многом именно из-за снижения объемов импорта из КНР вследствие введенных нормативных ограничений, в то время как экспорт ФРГ остался примерно на том же уровне. По данным опросов, германские компании в поисках альтернативы Китаю активно диверсифицируют цепочки поставок, в том числе за счет закупок собственно германских комплектующих и инвестиций во внутренние производства (Baur & Flach, 2022). Снижению импорта из КНР способствуют и логистические трудности, связанные с изменениями маршрутов поставок и удорожанием перевозок – проблемой, решать которую можно только на европейском уровне. ЕС, однако, уделяет приоритетное внимание развитию собственного проекта «Глобальные ворота», а не повышению устойчивости транспортных сетей Китай – Европа.

⁷² Включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁷³ См. например: *Friedrich Ebert Stiftung*. (2024) Chinas internationale Entwicklungszusammenarbeit. Geschichte, Strukturen der Entwicklungsfinanzierung und Fallstudien aus Afrika Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/international/21232.pdf> (accessed 3 September 2024). Фонд Ф. Эберта включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁷⁴ Mardell J. (2024) Auf dem Weg zu einer gemeinsamen europäischen China-Strategie? Eine Übersicht über die politischen Grundsatzdokumente der EU-Mitgliedstaaten zu China. *Heinrich Böll Stiftung*. Available at: https://www.boell.de/sites/default/files/2024-07/e-paper-auf-dem-weg-zu-einer-gemeinsamen-europaischen-china-strategie_-endf.pdf (accessed 3 September 2024). Фонд Г. Белля включен в «Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации».

⁷⁵ Frenzel A., Godehardt N., Pantekoeck S. und Schulze D. (2024) Kommunen: Kernstück deutscher China-Politik Entwicklungen und Zukunftsperspektiven. *Friedrich Ebert Stiftung Studie*. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/international/21026-20240229.pdf> (accessed 3 September 2024); Wolff G., Spillner O. (2023) China "De-risking". A Long Way from Political Statements to Corporate Action. *DGAP Policy Brief*. Available at: https://dgap.org/system/files/article_pdfs/dgap-policy%20brief-2023-15-en-AG%20Zeitenwende-GW.pdf (accessed 3 September 2024).

⁷⁶ *Statistisches Bundesamt* (2024) China still Germany's most important trading partner in 2023, but by a small margin. Available at: https://www.destatis.de/EN/Press/2024/02/PE24_056_51.html (accessed 3 September 2024).

Аналогичные тенденции имеют место и на рынке инвестиций: вложения германских компаний, прежде всего обладателей производств на территории КНР, в китайский рынок увеличились на 4,3% и достигли рекордного с 2014 г. показателя, в то время как китайских в предприятия ФРГ – сократились на беспрецедентные 223%⁷⁷. С одной стороны, это свидетельствует о том, что политика «снижения рисков» приносит первые результаты. С другой стороны, это является признаком постепенной деградации германо-китайского экономического партнерства под влиянием общей тенденции к сокращению сотрудничества на уровне ЕС – КНР. В треугольнике «партнер – конкурент – соперник» последние элементы становятся более значимыми.

Заключение и выводы

Анализ внешней политики ФРГ на китайском направлении через призму концепции «европеизации» позволил рассмотреть двустороннее взаимодействие как часть более широкой проблемы отношений ЕС и КНР. В частности, выбранный автором подход предоставил возможность, удерживая фокус на позиции Германии в отношении Китая, сопоставить национальный уровень принятия решений со стратегией Европейского союза и выделить этапы эволюции первого. Исследование показало, что точки бифуркации, вокруг которых Берлином осуществлялся выбор дальнейшей стратегии, соответствовали значимым сдвигам в политике ЕС. Даже при том, что общеевропейские тенденции были не единственным фактором, оказывающим воздействие на формирование китайского направления внешней политики ФРГ, их влияние было ключевым при переходе к охранительной позиции Берлина в отношении Пекина в 2019–2023 гг.

На основе сопоставления двух уровней принятия решений и анализа материалов аналитических центров, оказывающих поддержку правительству и внешнеполитическому ведомству Германии, можно прогнозировать дальнейшее снижение заинтересованности ФРГ в развитии конструктивного партнерства с КНР, а на более системном уровне – говорить об усилении фактора ЕС в национальной политике государств – членов интеграционного объединения. Как представляется, в условиях трансформации мирового порядка последняя тенденция будет только нарастать, поскольку от внутренней сплоченности Евросоюза будет зависеть его конкурентоспособность в новых условиях.

⁷⁷ Interesse G. (2024) China-Germany Bilateral Relations: Trade and Investment. *China Briefing*, 24 April. Available at: <https://www.china-briefing.com/news/china-germany-bilateral-relations-trade-and-investment/> (accessed 23 July 2024).

Список литературы

1. Белов В.Б. (2023) О новой стратегии Германии по отношению к Китаю. *Аналитические записки Института Европы РАН* (3). DOI: 10.15211/analytics31620231624.
2. Буторина О.В. (2023) Торговля Евросоюза с Китаем: проблема дефицита. *Современная Европа* (7): 5–20. DOI: 10.31857/S020170832307001X.
3. Зарицкий Б.Е. (2021) Германия – Китай: партнеры, конкуренты или системные соперники? *Мировая экономика и международные отношения* 65(2): 16–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-16-28.
4. Павлов Н.В. (2023) *Эра Ангелы Меркель*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 431 с.
5. Стрежнева М.В. (2014) Интеграционные процессы как фактор политических изменений в странах Евросоюза. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. Т. 1. М.: ИМЭМО РАН. С. 89–108. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_047_1.pdf (accessed 23 July 2024).
6. Тимофеев О.А., Ронжина В.С. (2017) Сопряжение программ «Сделано в Китае – 2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* (22): 338–351.
7. Цвык А.В. (2016) Китайский вектор политики ФРГ после 1998 г. *Вестник МГИМО-Университета* 2(47): 338–351. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-161-167.
8. Цвык А.В. (2019) Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: Актуальные проблемы и новые возможности. *Актуальные проблемы Европы* (4): 210–228. DOI: 10.31249/ape/2019.04.12.
9. Baur A., Flach L. (2022) Deutsch-chinesische Handelsbeziehungen: Wie abhängig ist Deutschland vom Reich der Mitte? *Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München* 75(4): 56–65.
10. Biba S. (2021) Germany's relations with the United States and China from a strategic triangle perspective. *International Affairs* 97(6): 1905–1924. DOI: 10.1093/ia/iiab170.
11. Bulmer S. (2007) Theorizing Europeanization. In: Graziano P. and Vink M. (eds.) *Europeanization: New Research Agendas*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 46–58.
12. Christiansen T. (2023). EU-China-Beziehungen. In: Weidenfeld W., Wessels W. and Tekin F. (eds.) *Europa von A bis Z*. Springer VS, Wiesbaden, pp. 297–302. DOI: 10.1007/978-3-658-41005-6_42.
13. Cook R., Ohle M., Han Z. (2022) The Illusion of the China-US-Europe Strategic Triangle: Reactions from Germany and the UK. *Journal of Chinese Political Science* 27(3): 493–518. DOI: 10.1007/s11366-021-09771-2.
14. Coremenos B., Lipson Ch. (2001) The Rational Design of International Institutions. *International Organization* 55(4): 761–799. DOI: 10.1162/002081801317193592.
15. Corrocher N., Mavilia R., Giorgio M. (2018) The Sino-German Alliance for the Fourth Industrial Revolution: Dynamics and Policy Implications. *Journal of Economic Policy Reform* 23(4): 426–446. DOI: 10.1080/17487870.2018.1547639.
16. Goetz K., Hix S. (eds.) (2000) *Europeanised Politics? European Integration and National Political Systems*. London: Routledge, 256 p.
17. Graziano P., Vink M. (eds.) (2007) *Europeanization: New Research Agendas*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 419 p.
18. Graziano P., Vink M. (2013) Europeanization: Concept, Theory, and Methods. In: Bulmer S., Lesquene C. (eds.) *The Member States of the European Union*. Oxford University press, pp. 31–54.
19. Heiduk F. (2014) Conflicting Images? Germany and the Rise of China. *German Politics* 23(1–2): 118–133. DOI: 10.1080/09644008.2014.916693.
20. Hooijmaaijers B. (2021) *Unpacking EU Policy-Making towards China. How Member States, Bureaucracies, and Institutions Shape its China Economic Policy*. Palgrave Macmillan, 188 p.
21. Ladrech R. (1994) Europeanization of Domestic Politics and Institutions: The Case of France. *Journal of Common Market Studies* 32(1): 69–88.

22. Langhammer R.J. (2022) Reluctant US vs ambitious German direct investment in China: The tale of two strategies. *Kiel Policy Brief* (162). Available at: <https://hdl.handle.net/10419/250308> (accessed 23 July 2024).
23. Moravcsik A. (1993) Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach. *Journal of Common Market Studies* 31(4): 473–524.
24. Olsen J.P. (2002) The Many Faces of Europeanization. *Journal of Common Market Studies* 40(5): 921–52.
25. Radaelli C. (2000) Whither Europeanization? Concept Stretching and Substantive Change. *European Integration online Papers* 4(8). Available at: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2000-008a.htm> (accessed 23 July 2024).
26. Radaelli C. (2004) Europeanization: Solution or Problem? *European Integration online Papers* 8(4). Available at: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2004-016a.htm> (accessed 23 July 2024).
27. Risse T., Cowles M., Caporaso J. (2001) Europeanization and Domestic Change: Introduction. In: Cowles M., Caporaso J. and Risse T. (eds.) *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change*. Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 1–20.
28. Schimmelfennig F. (2010) Europeanisation Beyond the Member States. *Journal for Comparative Government and European Policy* 8(3): 319–339. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24237074> (accessed 23 July 2024).

Comparative Politics. Volume 15. No. 2. April–June / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-2-15-3

EUROPEANIZATION OF THE GERMANY'S CHINA POLICY IN EARLY 2020S: NATIONAL INTERESTS AND SUPRANATIONAL LIMITATIONS

Dr. Julia Ju. MELNIKOVA – Program Manager, Russian International Affairs Council (RIAC).
ORCID: 0000-0001-7922-2498. E-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru
8, 4th Dobryninskiy pereulok, Moscow, Russia, 119049.

Received July 23, 2024

Accepted September 4, 2024

Editor's and author's note: According to the order of the Ministry of Justice *Friedrich-Ebert-Stiftung e.V.* (*Friedrich Ebert Stiftung*, “*Friedrich Ebert Foundation*”) (Order No. 256-r of March 1, 2024), *Konrad-Adenauer-Stiftung e.V.* (*Konrad-Adenauer-Stiftung e.V.*, “*Konrad Adenauer-Stiftung*”, “*Konrad Adenauer Foundation*”, “*Konrad Adenauer Foundation*” Registered Non-Profit Association») (Order No. 1010-r of August 14, 2024), *Heinrich-Böll-Stiftung e.V.* (Heinrich Böll Stiftung, “*Heinrich Böll Foundation*”) (Order No. 679-r of May 31, 2022), *Friedrich-Naumann-Stiftung für die Freiheit* (*Friedrich Naumann Foundation*, “*Friedrich Naumann Foundation for Freedom*”) (Order No. 465-r of April 16, 2024) are included in the “List of foreign and international non-governmental organizations whose activities are recognized as undesirable on the territory of the Russian Federation”. The analysis of documents and positions of these party foundations and analytical centers seems to the author necessary for a comprehensive study of the establishment and implementation of German policy towards China and is not aimed at disseminating information about the activities of these organizations.

An up-to-date list of organizations whose activities have been declared undesirable is available on the website of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Abstract: The study aims to identify the significance of the European Union factor in shaping the foreign policy of the Federal Republic of Germany towards the People's Republic of China in the early 2020's. The research question stems from the existing contradiction between the economic interests of German states and business corporations on the one hand and the policy of the German government, which is increasingly distancing itself from China, on the other. It is hypothesized that Berlin's shift to a confrontational strategy towards Beijing is largely due to "Europeanization" – the strengthening of centralization elements in European Union governance and the related adaptation of national models to the pan-European one. In the context of the "Europeanization" of foreign policy, supporting the existing trends rather than developing an alternative scenario contributes to preserving the leading role of Germany in the formation and implementation of the EU's policy towards China. Thus, the study, in a certain sense, is a case study of the limits of autonomy of foreign policy of the integration associations' member-states. Based on the bottom-up approach existing within the concept of "Europeanization," the article provides a periodization of Germany's policy towards China, taking into account the changes in the state of the EU ties with the latter. Four phases of German – Chinese engagements are proposed, namely 1993–2016, 2016–2019, 2019–2023 and 2023 until present. The comparison of the national and supranational levels of decision-making during these periods allowed us to demonstrate the full cycle of the "Europeanization" of Germany's political course and once again emphasize the importance of the European Union in the formation of the policy of the state under study. Initially Germany presented its own norms of interaction with China to the EU level in order to ensure the most favorable conditions of cooperation with the latter; now it is adopting pan-European standards, adapting its national position to that of the European Union. The author's conclusions are supported by the results of qualitative analysis of textual materials of the leading think-tanks in 2020–2024. The results of the study allow predicting further solidarization of Germany with the pan-European position and deterioration of German – Chinese relations.

Keywords: europeanization, EU – China, Germany – China, European Union, integration theories

References:

1. Baur A. and Flach L. (2022) Deutsch-chinesische Handelsbeziehungen: Wie abhängig ist Deutschland vom Reich der Mitte? *Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung an der Universität München* 75(4): 56–65.
2. Belov V.B. (2023) O novoj strategii Germanii po otnosheniyu k Kitayu [Germany's New Strategy In Relations With China]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical papers of the Institute of Europe RAS]*(3). DOI: 10.15211/analytics31620231624. (In Russian).
3. Biba S. (2021) Germany's relations with the United States and China from a strategic triangle perspective. *International Affairs* 97(6): 1905–1924. DOI: 10.1093/ia/iiab170.
4. Bulmer S. (2007) Theorizing Europeanization. In: Graziano P. and Vink M. (eds.) *Europeanization: New Research Agendas*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 46–58.
5. Butorina O.V. (2023) Torgovlya Evrosoyuza s Kitaem: problema deficita [EU Trade with China: the Problem of Scarcity]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*(7): 5–20. DOI: 10.31857/S020170832307001X. (In Russian).
6. Christiansen T. (2023). EU-China-Beziehungen. In: Weidenfeld W., Wessels W. and Tekin F. (eds.) *Europa von A bis Z*. Springer VS, Wiesbaden, pp. 297–302. DOI: 10.1007/978-3-658-41005-6_42.

7. Cook R., Ohle M., Han Z. (2022) The Illusion of the China-US-Europe Strategic Triangle: Reactions from Germany and the UK. *Journal of Chinese Political Science* 27(3): 493–518. DOI: 10.1007/s11366-021-09771-2.
8. Coremenos B., Lipson Ch. (2001) The Rational Design of International Institutions. *International Organization* 55(4): 761–799. DOI: 10.1162/002081801317193592.
9. Corrocher N., Mavilia R., Giorgio M. (2018) The Sino-German Alliance for the Fourth Industrial Revolution: Dynamics and Policy Implications. *Journal of Economic Policy Reform* 23(4): 426–446. DOI: 10.1080/17487870.2018.1547639.
10. Goetz K., Hix S. (eds.) (2000) *Europeanised Politics? European Integration and National Political Systems*. London: Routledge, 256 p.
11. Graziano P., Vink M. (2013) Europeanization: Concept, Theory, and Methods. In: Bulmer S. and Lesquene C. (eds.) *The Member States of the European Union*. Oxford Univeristy press, pp. 31–54.
12. Graziano P., Vink M. (eds.) (2007) *Europeanization: New Research Agendas*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 419 p.
13. Heiduk F. (2014) Conflicting Images? Germany and the Rise of China. *German Politics* 23(1–2): 118–133. DOI: 6.10.1080/09644008.2014.916693.
14. Hooijmaaijers B. (2021) Unpacking EU Policy-Making towards China. How Member States, Bureaucracies, and Institutions Shape its China Economic Policy. Palgrave Macmillan, 188 p.
15. Ladrech R. (1994) Europeanization of Domestic Politics and Institutions: The Case of France. *Journal of Common Market Studies* 32(1): 69–88.
16. Langhammer R.J. (2022) Reluctant US vs ambitious German direct investment in China: The tale of two strategies. *Kiel Policy Brief* (162). Available at: <https://hdl.handle.net/10419/250308> (accessed 23 July 2024).
17. Moravcsik A. (1993) Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach. *Journal of Common Market Studies* 31(4): 473–524.
18. Olsen J.P. (2002) The Many Faces of Europeanization. *Journal of Common Market Studies* 40(5): 921–52.
19. Pavlov N.V. (2023) *Era Angely Merkel [Angela Merkel's Era]*. Moscow: Aspect Press, 431 p. (In Russian).
20. Radaelli C. (2000) Whither Europeanization? Concept Stretching and Substantive Change. *European Integration online Papers* 4(8). Available at: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2000-008a.htm> (accessed 23 July 2024).
21. Radaelli C. (2004) Europeanization: Solution or Problem? *European Integration online Papers* 8(4). Available at: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2004-016a.htm> (accessed 23 July 2024).
22. Risse T., Cowles M., Caporaso J. (2001) Europeanization and Domestic Change: Introduction. In: Cowles M., Caporaso J. and Risse T. (eds.) *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change*. Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 1–20.
23. Schimmelfennig F. (2010) Europeanisation Beyond the Member States. *Journal for Comparative Government and European Policy* 8(3): 319–339. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24237074> (accessed 23 July 2024).
24. Sterzhneva M.V. (2014) Integracionnyye processy kak faktor politicheskikh izmenenij v stranah Evrosoyuzya [Integration processes as the factor of political changes in the EU countries]. In: *Globalnyj mir: k novym modelyam nacionalnogo i regionalnogo razvitiya [The Global World: to the new models of national and regional development]*. Vol. 1. Moscow: IMEMO RAS: 89–108. (In Russian).
25. Timofeev O.A., Ronzhina V.S. (2017) Sopryazhenie programm «Sdelano v Kitae – 2025» i Industrie 4.0 kak osnova innovacionnogo sotrudnichestva KNR i Germanii [Pairing the Made in China 2025 and Industrie 4.0 programs as a basis for innovation cooperation between China and Germany]. *Kitaj v mirovoj i regionalnoj politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and Modernity]* (22): 338–351. (In Russian).

26. Tsyk A.V. (2016) Kitajskij vektor politiki FRG posle 1998 g. [The «Special» Relationship Between Germany and China in the Context of Germany's China Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations] 2(47): 338–351. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-161-167. (In Russian).
27. Tsyk A.V. (2019) Strategicheskoe partnerstvo Germanii i Kitaya na sovremennom etape: Aktualnye problemy i novye vozmozhnosti [Strategic partnership of Germany and China today: Current problems and new opportunities]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current problems of Europe] (4): 210–228. DOI: 10.31249/ape/2019.04.12. (In Russian).
28. Zaritskii B.E. (2021) Germaniya-Kitaj: partnery, konkurenty ili sistemnye soperniki? [Germany and China: Partners, Competitors or Systemic Rivals?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 65(2): 16–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-16-28. (In Russian).